

УДК 316.77

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
РОМАН КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹**

Посухова Оксана Юрьевна

Кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный
университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: belloks@yandex.ru

Фролова Анна Сергеевна

Кандидат философских наук,
младший научный сотрудник,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: frannser@gmail.com

**INDUSTRIAL NOVEL
AS THE MEAN
OF FORMATION
OF PROFESSIONAL
IDENTITY IN SOVIET
SOCIETY**

Oxana Yu. Posukhova

Candidate of Sociological Sciences,
associate professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: belloks@yandex.ru

Anna S. Frolova

Candidate of Philosophical Sciences,
Junior researcher,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: frannser@gmail.com

В статье на основе анализа нескольких производственных романов советского периода показан их потенциал при формировании профессиональной идентичности в Советском Союзе. Формируемые производственным романом идея положительного героя, мечта о всеобщем счастье, труд, коллективизм, взаимопомощь, духовное перевоспитание человека и соотнесение себя и своего места с этими образами, благодаря особенности поэтики производственного романа, обуславливают эмоциональный компонент профессиональной идентичности, способствуя формированию ответственного, целостного и творческого специалиста.

On the basis of analysis of several industrial novels of Soviet period its potential in the formation of professional identity in Soviet Union is shown. Shaped by the industrial novel the idea of a positive hero, the dream of universal happiness, work, collectivism, mutual support, spiritual human rehabilitation, and correlation himself and his place with these images, due to features of industrial novel poetics, cause emotional component of professional identity, help to create a responsible, holistic and creative specialist.

¹Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

Ключевые слова: идентичность, поведение, профессия, ценности, новый человек. **Keywords:** identity, behavior, profession, values, new human.

Постановка проблемы

В октябре 1917 г. начинается радикальная трансформация всех сфер российского общества. В результате кардинальных преобразований всего уклада жизни у новой политической элиты, из-за осознания идеологических и эстетических потребностей, появляется потребность в формировании нового человека, репрезентации и «символической консервации» обретенного высокого статуса [1]. Формирование идентичности нового советского человека шло неразрывно от его трудовой деятельности и представляло собой радикальное переформатирование всей совокупности уже сложившихся экономических, социальных, профессиональных и т.д. отношений, в которые трудовые субъекты были включены в предреволюционном обществе [1]. Вполне можно согласиться с Г. Беляевой и Е. Добренко, которые для описания процессов конструирования профессии и профессиональной идентичности в сфере искусства использовали термин «формовка» [2]. Но, на наш взгляд, формовка характерна не только для конструирования профессиональной идентичности в сфере искусства, но и для других профессиональных ниш, так как происходило формирование абсолютно новой профессиональной идентичности – советского профессионала и по достаточно схожим сценариям в различных отраслях.

Формирование профессиональной идентичности подразумевает представление о себе как представителе определенной профессии, осознание через нее своего места в социуме, формирование соответствующей системы ценностей и моделей поведения. Формирование профессиональной идентичности – процесс не менее сложный и специфический, чем формирование общероссийской идентичности. В этом аспекте интерес представляет исследование советского периода, так как в этот период общественного развития формирование профессиональной идентичности, а до середины 60-х гг. – трудовой идентичности, шло неотделимо от единой идентичности советского человека, а точнее говоря, сопутствовало ее конструированию.

Одним из механизмов формирования новой профессиональной идентичности выступала новая советская литература, посредством соцреализма, произведениями писателей с новой советской идентичностью. Это обусловлено тем, что в период сталинизма именно в сфере

литературы формулировались идеологические концепты, впоследствии получавшие статус общеобязательных для всех [1].

Тема труда становится основной темой советской литературы, для разработки которой большое значение имел творческий вклад М. Горького. Внимание к теме труда было обусловлено несколькими обстоятельствами: безработицей 1920-х гг. (труд становится ценностью, а получить профессию, по свидетельствам современников, было благом), голодом первой половины 1930-х гг. и масштабной социалистической стройкой. Гиганты первых пятилеток вошли в историю, часть которых функционирует и по сей день: металлургические комбинаты, тракторные заводы, гидроэлектростанции, автомобильные заводы и т.д. Поэтизация труда становится необходимостью.

Начиная с 20-х гг. XX в. идет интенсивное идеологическое «творчество», в результате которого на рубеже 20–30-х гг. XX в. появляется новый жанр, уникальное достояние советской литературы – производственный роман. Он был рожден новыми социально-политическими и экономическими условиями. Но именно он должен был также способствовать развитию новых социальных условий, жанр, который должен был существовать и развиваться в рамках определённой философской и научной парадигмы, соответствуя общей ориентации на «научное управление обществом» [3]. Производственный роман – это целостная эстетическая система, характер которой складывается в результате одной из художественных стратегий первой половины XX в. и целенаправленной работы государства по формированию идеологического обеспечения социалистического строительства [4]. Обеспечить социалистическое строительство и его масштабные результаты стремились посредством формирования нового советского человека, активно включенного в трудовую деятельность.

Проблемы профессиональной идентичности уже неоднократно выступали предметом научного исследования. В работах Л.Б. Шнайдер профессиональная идентичность рассматривается как комплексный социально-психологический и педагогический феномен, раскрываются сущность и динамика профессиональной идентичности, выявляются механизмы порождения, реализации, описания и репрезентации идентичности [5]. В исследовании пермских ученых дан философский анализ оснований для формирования трудовой идентичности в постиндустриальном обществе [6]. Взаимосвязь идентификации и трудовой мотивации рассматривается в работах Г.Г. Татаровой и Г.П. Бессокирной [7]. Исследовательский интерес представляют также работы, посвященные особенностям и механизмам формирования

профессиональной идентичности в конкретных группах: учителей [8], врачей [9], инженеров [10], студентов [11] и т.д. В то же время в рамках современной социологии потенциал советских уникальных успешных практик формирования профессиональной идентичности остался несколько невостребованным. И такой предмет научного исследования, как формирование профессиональной идентичности посредством производственного романа, должного освещения еще не получил.

Теоретические контуры исследования. Профессиональная идентичность является неотъемлемым компонентом я-образа индивида и обеспечивает ощущение причастности, нахождение своего места в социуме, наделяет профессиональную деятельность смыслом. Она состоит из трех основных компонентов, находящихся во взаимосвязи: поведенческого, когнитивного и эмоционального [12]. Важное значение при формировании профессиональной идентичности имеет концептуализация идеального образа советского работника – профессионала, который не только реализуется здесь и сейчас, но и устремлен в будущее. Его антиподом выступает тип работника старой формации. Такой подход предполагает создание некоего образа, наделенного необходимыми чертами и качествами, презентующими определенные конструктивные модели поведения в профессиональной сфере. Создание же таких «идеальных образов» и введение их в публичный дискурс – одна из задач литературы, в которой конструируемые образы и желаемые модели поведения презентуются через визуальные (образы героев), речевые и другие структурные моменты художественного текста. Публичный дискурс обуславливает восприятие и мышление индивидов, «программируя» шаблоны мышления и конструируя идентификационную матрицу. Включенный в трудовую деятельность человек через взаимодействие с книгой усваивает и воспроизводит профессиональную идентичность.

Пафос производственного романа и профессиональная идентичность. В 20-е гг. писатели обращаются к новым темам, но темы эти были не кабинетные, а прочувствованные в «поле», через глубокое погружение в производственную деятельность на самом производстве [13, с. 268]. Писатели начинают в большей степени решать социально-нравственные проблемы, исследуя психологию и поведение массового героя. Сюжетно-композиционное строение романа определяется в большей степени «историей» социалистического строительства, вовлечением в него масс, созданием образа «типичного обобщения» современника. Это обусловило необходимость анализировать не только судьбы одного-двух героев, но и многообразные конфликты, опреде-

ляющие судьбы трудового коллектива в целом. Форма производственного романа не просто допускала скрупулёзное описание конкретного вида трудовой деятельности, но и требовала отображения стоявших за ним общих вопросов социального производства, анализа противоречий общественной жизни. Пафос производственного романа заключался не только в том, чтобы рассказать о производстве, но и в том, чтобы «произвести» нового человека.

Можно выделить три укрупненных этапа развития производственного романа: 1920 – конец 30-х и начало 40-х гг., 1950 – начало 60-х гг. и 1960–1980 гг. Большая часть романов о производстве в начале 30-х гг. в центр сюжета ставили проблемы производственных процессов, а не столкновение характеров и судеб людей. Так, для героев книги Валентина Катаева «Время вперед» (1932) «труд – это постоянная битва, а новостройка – это фронт, и бетонщики вступают в смену как в сражение. С работы возвращаются в барак, как с фронта в тыл» [13, с. 271].

В производственном романе через разнообразные мотивы трудностей показаны взаимодействие и борьба героя с макросредой – природой и косностью социальных общностей: «С того момента, как Увадьев вступил на берег, и был кинут вызов Соти, а вместе с ней и всему старинному обычаю, в русле которого она текла» [14, гл. I, р. 6.]; «сдвинуть легче» завод, чем привычки «переделывать» [4]. В итоге – победа над ними. Победа была достижима, потому что присутствовала мечта об идеале, к которой шли герои. Этот идеал не был пролонгирован в неопределенном количестве времени, он был конкретным и близким – первая пятилетка, вторая пятилетка. И достичь этого идеала можно было, участвуя в социалистическом строительстве. Поэтому и возникает в производственном романе образ нового человека – «эпический герой-преобразователь»: «Съедем ломоток-то, – кивнул он (Фаворов) потом на обреченную Макариху. – Смотрите, там разместится лесная биржа... вот, где баба идет с ведрами. Варочный корпус будет там, где собака. Стихия... не боязно? – Ничего, глаза страшат, а руки делают, – ...ответил Увадьев», которому даже во сне нет покоя. «Склоняясь к себе на мокрые колени, Увадьев дремлет, но и ночная его греза все о том же»...

Герои производственных романов этого периода показывают готовность к коллективным нормам труда, делятся творческой находкой, даже если их опережают друзья-соперники. В атмосфере труда «идеи никогда не рождались в одиночку», чище становится человеческая дружба и неуютно чувствуют себя враги. В романах показывается, как в трудных условиях трудовой деятельности (стройка) формируются

новые качества нового человека – энтузиазм, самоотверженность, бескорыстие, коллективизм [13, с. 272].

В большей части романов этого периода приобретает актуальность тема борьбы за воспитание нового человека и перевоспитание человека предшествующей несоветской эпохи, центром становится эволюция героя. Выделяются два внутренних врага: косность «ветхого человека» и «отсталость рабочего самосознания». В этих романах у героев показаны духовные тупики, возрождение человека, преодоление узости мировоззрения у части интеллигенции под влиянием новых условий труда, отражены трудности и противоречия становления нового в характере передовых людей, процесс формирования нового человека или перевоспитание старого через принадлежность к трудовой деятельности¹.

Процесс формирования трудовой идентичности нового человека из ремесленной городской среды показан в «Людах из захолустья» А. Малышкина. Писатель показал борьбу собственнических предрасудков и вожделий и стремлений труженика, мечтающего честным трудом занять свое место в жизни. Мастерской человек Иван Журкин, несмотря на золотые руки и стремление выбиться в люди, в прошлом не знал счастья. Он отправляется на далекую стройку в поисках лучшей доли. И там из мастерового, который когда-то славился своими гробами, он превращается в настоящего мастера, творца и строителя не только нового завода, но и новых человеческих отношений в хозяйстве своего счастья [13, с. 276]. Бывший батрачок Тишка овладевает на стройке новой для себя специальностью и становится кадровым рабочим. Весь трудовой героизм, казалось бы, внешне малозаметных и неярких Журкина и Тишки автором показан как особенная и типичная для реконструктивного периода форма проявления классовой сознательности простых людей. Из их повседневного труда складывались все советские достижения, хотя эти герои по присущей русскому человеку скромности свои дела и поступки героическими не считали. Именно такое изображение трудящихся помогало прививать любовь к труду, формировать и воспитывать профессионала.

В производственном романе презентуется такой мотив, как осознание ответственности героя как представителя определенной профессиональной группы за будущее. Наиболее ярко это представлено в романе «Соть», описывающем трудности при строительстве целлю-

¹ Наиболее значительными произведениями о труде в 30-х гг. являются «Соть» Л. Леонова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Инженеры» А. Патреева, «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Энергия» Ф. Гладкова и др.

лозно-бумажного комбината, когда в трудные минуты перед мысленным взором Увадьева как определенный символ встает образ десятилетней девочки Кати: «...той самой будущей Кати, для которой в таких муках переплавлялась планета»; «Через полчаса мокрый снег стал заносить человека, сидящего на скамейке. Плечи и колени его побелели, снег таял на его руках; он все не уходил, а уж свечерело. Колючим, бесстрастным взглядом уставясь в мартовскую мглу, может быть, видел он города, которым предстояло возникнуть на безумных этих пространствах, и в них цветочный ветер играет локонами девочки с знакомым лицом; может быть, все, что видел он, представлялось ему лишь наивной картинкой из букваря Кати, напечатанного на его бумаге век спустя... Но отсюда всего заметней было, что изменялся лик Соти и люди переменились на ней» [14, гл. 3, раздел 6; гл. 6, раздел 4].

Но не только русский человек становится главным героем и участником социалистической стройки и преобразования в нового человека. Представители других народов также становятся героями производственного романа. В этом отношении интерес представляет книга Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», которая была написана автором по горячим следам, очевидцем стройки невиданных до этого размеров в Средней Азии. Главный конфликт романа рождается в процессе борьбы с вредителями и раскулаченными, с происками иностранных разведок. В романе показано, как разбуженная революцией сила нации позволила инженеру Уртабаеву – первому советскому инженеру-таджику – внедрить смелый и технический эксперимент, способствующий ударным темпам стройки «величайшего в мире хлопкового агрокомбината... По размерам с нашей ирригационной системой могут конкурировать лишь две мировые системы: Империял-Виллей и Индийская, с той разницей, что наша, начатая без необходимых подготовительных работ, в будущем году должны быть в основном закончена. Для этого нам надо вынимать каждый месяц не менее двух миллионов кубометров земли» [15, с. 46–47]. И именно к нему приезжают перенимать опыт представители других стран – американские инженеры. Строительство системы происходит в очень жестких условиях, не хватает техники, железнодорожного полотна и т.д.

Авторами описывается общая картина трудовых будней рабочего коллектива, позволяющего ощутить дух и пафос новой эпохи. Четко прописываются преобразование народа, огонь трудового энтузиазма, невиданные темпы наступления социалистической эпохи [13, с. 322]. В этих произведениях формируется новый образ героя, включающего в себя новые нравственные качества, которые обязательно раскрывались

в производственной сфере через выполнение трудовых функций, в борьбе с внешними обстоятельствами (природная стихия). Портрет человека первой пятилетки включал в себя созидательный, творческий энтузиазм, одержимость, глубочайшую веру в идеалы социализма как цель жизни. Это человек народного дела, энтузиаст. В произведениях воспевалось бескорыстие, целеустремленность героев, их самозабвенная отрешенность от всего, что не связано с интересами завода. Участие в общем деле созидания становится главным для новых героев, заполняет их жизнь, отодвигая личное на второй план.

В производственном романе подчеркиваются нужность и необходимость героя находиться именно на производственном месте, несмотря на его желание находиться в другом месте. В процессе разворачивания сюжета герой это понимает и принимает: «Алексей не сомневался теперь, что стройка нефтепровода необходима для войны и сам он нужен стройке. Его место оказалось не менее важным и ответственным, чем то, которое он мог бы занять, обороняя Москву» [4, с. 75].

В начале 50-х – начале 60-х гг. в отличие от изображения героя в 20-х и 30-х гг., когда поэтизировалась идея жертвенности, когда выдвигалась идея общественной необходимости, а личное выводилось также с этих позиций, пафос производственного романа несколько меняется. В этот период в произведениях поднимается вопрос о руководителе и руководимых, личности и коллективе, производственная и интимная жизнь героев, семейные конфликты, вписанные в производство, обстоятельства и характер. Главным становится не только достижение соцрезультата в короткие сроки, но и то, что «сильно выросли люди», как это показано в романе «Высота». Наиболее известными произведениями этого периода являются «Высота» (1952) Е. Воробьева, «Журбины» (1952) В. Кочетова, «Знакомьтесь – Балухев!» (1960) В. Кожевникова и др. Некоторые произведения этого периода являются трансформационными и закладывают основу для третьего этапа развития производственного романа («Битва в пути» (1957) Г. Николаевой, где руководитель уже не выступает положительным героем, а наделен отрицательными качествами) через поднятие новой актуальной проблемы – усовершенствование производства для удобства и достатка самого производственника [4, с. 91]. Спасением от всех противоречий и нерешенных проблем видятся новые формы организации труда, что отражается не только в подробном их описании, но и вкладывается в монологи героев романа: «В хороших колхозах активно ищут новых форм оплаты. Каждый ищет по-своему, а, по существу, цель одна – построить систему оплаты труда в соответствии с произво-

дительностью, с его общественной полезностью. Полнее воплотить основной закон социализма» [4, с. 91]; «Два десятка лет назад был в стране один тракторный заводик да один автомобильный... Мощности возросли в тысячи раз – значит, и организация должна стать гибче тысячекратно!»; «Дело не только в их гибкости. Необходимы и специализация заводов, и их кооперирование, и унификация узлов. Когда в стране был один тракторный, эти проблемы не возникали, а сейчас они решают будущее» [16, с. 95].

Образ героя этого периода развития производственного романа уже нельзя интерпретировать слишком однозначно, он становится более сложным и противоречивым, как показано в произведении В. Кожевникова «Знакомьтесь – Балугев!»: «Павел Гаврилович Балугев, начальник участка подводно-технических работ строительства магистрального газопровода, – человек многоопытный, волевой, не лишенный слабости ухватить иногда “про запас” лишнюю технику; правда, если уличали, возвращал ее по принадлежности...»; «Многие товарищи соглашались с тем, что у Балугева ум, что называется, “прицельный”»; «...Он снял всю ответственность с прораба и взял ее на себя» [17].

Балугев – руководитель и воспитатель нового типа, что обусловлено новыми условиями труда: он осознает, что не узкая профессионализация делает человека настоящим, а культура мыслей и чувств. Он не рекламирует свое человеколюбие, а незаметно для самих людей борется за них, помогает в трудную минуту, сопереживает их горестям и радостям (ситуация про распад семьи и самоубийство: «...Неприятностей мне не было. Если бы несчастный случай на производстве, то, как говорится, “Ванька, держись”, а тут бытовая драма, администрация не отвечает... Скажем, допустил человек очковительство, обманул доверие партии, проявил уступку буржуазной идеологии или просто казенное спер. С такими типами как себя вести, научены. А в этом деле мы застенчивые. Жулика поймаю, который левачит, – сматывай манатки и катись. А тут...»). Сложный и противоречивый характер Балугева становится понятным в силу сложного жизненного опыта, который может быть понятен каждому, и многие могут увидеть себя в нем, так как совпадают основные вехи того периода: приход в рабочий класс, Великая Отечественная война, послевоенный период.

Способствовать формированию профессиональной идентичности может и описываемый в большей части романов этого периода конфликт старого и нового: всегда есть новаторское предложение и консерватор – персонаж, противодействующий новому. Но в итоге новаторство побеждает, консерваторы выводятся двумя путями: изменени-

ем психологии и принятием нового либо отстранением от должности. В итоге прорыв нового советского в производство внедряется и приводит к успешным результатам (как, например, в «Высоте» новым способом собранная труба), и каждый член коллектива, который участвовал в этом новаторском процессе – от поддержки идеи до воплощения результата, разделяет свою сопричастность к делу, свое соавторство и уникальный результат. Такая совместная коллективная работа способствует осознанию своего места и роли в производственном процессе, а соответственно, и обуславливает профессиональную идентификацию.

Третий этап развития производственного романа начинается с 60-х гг. и характеризуется как «вымирающий». Пафос производственного романа меняется, причины неудач соцстроительства уже четко очерчены. Это не косность, апатия, инерция и т.д. Причины трудностей и неудач уже в другом – несовершенстве планирования, организации и оплаты труда, необходимости руководителей нового типа (В. Кукушкин «Хозяин»), что начинают уже прописывать в аннотации или слове издателя: «Роман Василия Кукушкина посвящен жизни заводского коллектива... В центре произведения – образ молодого директора завода, который ищет свой стиль руководства. Ему, разумеется, отлично известно, что подлинный руководитель наделен не только большими правами, но и ответственностью перед обществом. Однако для того, чтобы претворить эту простую истину в жизнь, директору приходится пройти далеко не простой и не легкий путь...» [18].

В этот же период героями становятся не только представители заводов,строек, но и появляются новые герои в других «производственных» сферах, как в научной среде в романе Д. Гранина «Иду на грозу» (1962), в художественной среде в романах В. Тендрякова «Свидание с Нефертити» и В. Солоухина «Мать-мачеха». Освещение проблем в конкретных профессиях позволяет говорить о том, что на место трудовой идентичности приходит формирование профессиональной идентичности.

В производственных романах этого периода поднимается и такая проблема, которую современным языком можно назвать имитационной личностью. Образы этих персонажей состоят из двух ипостасей. Первая ипостась – публичная персона: на людях, на производстве происходит сопереживание за общественные интересы, показная честность и принципиальность, любители произносить пафосные речи, доброжелательные и аккуратные, способные инженеры. Вторая ипостась проявляется за закрытыми дверями, вне коллектива, наедине с самим собой: роль обывателя с меркантильными интересами [19, 21].

Несмотря на развитие промышленного производства, стройки по стране еще идут ударными темпами. За восьмую пятилетку национальный доход вырос на 42 %, объем валовой продукции промышленности – на 51 %. Было закончено формирование единой энергетической системы Европейской части СССР и создана объединённая энергосистема Центральной Сибири. Началось освоение Тюменского нефтегазодобывающего комплекса. За указанный период было построено около 2000 крупных промышленных предприятий, в том числе начали функционировать Красноярская, Братская, Саратовская гидроэлектростанции, Приднестровская ГРЭС, первая очередь Волжского автомобильного завода, Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические комбинаты. Но, несмотря на то что промышленная и строительная жизнь не утихала, материала для художественного воплощения более чем достаточно, производственный роман приходит в кризисное состояние. По мнению историков литературы, причинами этого выступило несколько обстоятельств: изменение идеологической ситуации (вычеркивание имени Сталина из дискурса соцстроительства), утяжеление позднего производственного романа слишком подробным описанием производственного процесса (хотя этот жанр предполагал такую специфику, но стали указываться такие подробности, которые могли быть понятны только специалисту либо требовали апеллирования к энциклопедиям, что существенно затрудняло и, можно сказать, отвращало читателя). Но, по мнению Д.Д. Земсковой, основной причиной стало то, что поздний производственный роман перестал выполнять свою функциональную нагрузку – быть индикатором человеческих качеств, полем на котором развивается основополагающий конфликт [4, с. 98]. Мотивы равнодушного отношения к делу уже не являются такими яркими, энтузиазм и горящие глаза минимизируются и утрачивают свою стержневую функцию.

Как уже отмечалось, с середины 1950-х гг. производственный роман как роман о производственных-заводских отношениях идет к кризисному состоянию. Но в этот же период начинает активно развиваться новая форма производственного романа – советский детектив, но именно тот детектив, который становится заказом сверху, отвечая общей идеологической установке, где героями выступают сотрудники советской милиции, работники уголовного розыска, с честью выполняющие свой профессиональный долг. На страницах этих произведений также происходит борьба за лучшее: но это лучшее не завод, домна или нефтепровод. Это лучшее – безопасная, спокойная, повседневная жизнь советского человека, которая нередко достигается благодаря

героическим усилиям сотрудников милиции. И здесь мечта-идеал достигается более быстро, нежели производственная пятилетка. Здесь также идет борьба с косностью, но эта косность другого плана. Это борьба с предубежденным восприятием сотрудников милиции, что было хорошо показано в произведении Ивана Лазутина «Сержант милиции» (1957). Главный герой Николай Захаров, фронтовик, студент-заочник юридического факультета и сотрудник вокзальной милиции, раскрывает преступление, надежды на раскрытие которого не было, тем самым активно участвуя в судьбе пострадавшего Алексея Северцева. Николай Захаров – положительный герой, которому свойственно чувство сострадания, соучастия, любви, преданности делу и т.д. Есть и персонажи, противопоставленные ему, – коллега по работе лейтенант милиции Гусеницин, конкурент в борьбе за сердце Наташи – Виктор Ленчик, наделенные рядом отрицательных черт. Выбранный путь сотрудника милиции не одобряется невестой Наташей и ее матерью Еленой Прохоровной, так как в массовом сознании того времени доминировал в большей степени негативный образ милиционера: «Елена Прохорова сделала большие глаза: – Как? В милицию?! И кем же... Дать согласие? – Лицо Елены Прохоровны стало таким кислым, словно она проглотила лимон. – Милиционер. Очень, очень оригинально» (ситуация трудоустройства Н. Захарова) [21, с. 78].

Есть и традиционный сюжет для производственного романа – перевоспитание, борьба за человека, не дать ему возможность заняться старым (сюжет про Максакова, которого не брали на работу из-за судимости), или вырвать из порочного круга и дать возможность исправить ситуацию (летчик Вадим Алтунин (подполковник Чистяков) («Приступить к ликвидации», 1983), Э. Хруцкий): «Две, подполковник, всего две. Одна – жизнь летчика Алтунина, другая – “подполковника” Чистякова. Вы не поверите, а я рад, что попал к вам. Теперь, если удастся, я начну еще одну жизнь, надеюсь, она будет счастливее предыдущих, правда, намного короче» [22, с. 579].

Поэтика производственного романа и формирование профессиональной идентичности. Как уже отмечалось, одной из основных задач производственного романа было воспитание нового советского человека. У этого нового человека через ценность труда, чувство гордости и принадлежности к масштабным результатам производственной деятельности (новые заводы, нефтепроводы, домны и др.) формировалась идентичность рабочего человека – строителя, докера, инженера, кадрового рабочего, а позднее милиционера, учителя, врача, ученого и т.д. Это происходит благодаря конструированию в литературе образа

профессионала, который верит в дело и знает, что он хочет и как этого достичь, с одной стороны, а с другой – благодаря образу героя, который перевоспитался. Да он мог вначале сомневаться, но потом, будучи членом трудового коллектива, осознал всю мощь и свою роль и участие в этой мощи социалистической стройки на всех направлениях. И не последнюю роль в успешном конструировании профессиональной идентичности играл язык производственного романа.

В речах, диалогах, которые исходят от положительных идеальных героев производственного романа, всегда присутствует страсть, как у Ксении Ионовны: «Может быть, я беспартийная советская барышня, но я сюда мобилизована как лучшая ударница, и я для них не бессловесный холуй» [23], или Софьи: «Я заводской человек. С девок во время войны попала на завод и до сих пор хожу заводским человеком» [24], или лозунговая выразительность: «“Спешите, спешите, товарищи, вы строите социализм!” – кричит он (Увадьев) вверх, стараясь прочесть в глазах их сокровеннейшие мысли» [14, гл. 1, раздел 1], на ранних этапах производственного романа.

Обязательно присутствует чувство ответственности за взятое на себя дело: «А я буду бороться, и ружье мое так и останется на стене у меня перед глазами. Я должен оставаться на заводе. Я должен распутать все узлы. Я... и никто другой» (в разговоре с тетей Соней) [24].

В переходный период развития производственного романа речи героев также не менее выразительны и призывают к активному участию в масштабной производственной профессиональной деятельности со страниц книг: «Я же говорил вам, производительные силы страны находятся накануне колоссального взлета! Им тесно, они бьются в старых формах организации, и мы с вами вот бьемся вместе с ними!» [16].

В производственном романе уникальность трудового статуса презентовалась через героизацию выполнения трудовых функций, но не выдуманную, а имевшую под собой основания в советской реальности: «Все они считались тыловиками, да и чувствовали себя тыловиками, потому что, повторяю, здесь не убивали, как там, на фронте. На острове можно было только умереть от простуды, быть смытым волной, можно было захлебнуться в разорванном скафандре, быть ушибленным бетонной опорой, поваленной ураганом, или разрубленным лопнувшим тросом, бьющим с силой осколка снаряда. Слово “островитяне” им не нравилось. Они строго требовали, чтобы их называли самодельным словом “островики”: оно казалось им более уважительным. Но их подвиг остался неназванным. Надобность заправлять горючим в открытом океане советские военные корабли отпала. И сведе-

ния иностранных разведок об этом сооружении в соответствующих генштабах были расценены как фантастические, ибо генштабы считали, что для любой воюющей стороны несбыточно такое сложное и грандиозное сооружение» [17]. При этом героизм простого советского трудящегося не зависит от времени, он есть всегда: «С этим же коллективом Балугев выехал в освобожденный Донбасс, и те же люди в водолазном одеянии спустились в затопленные шахты, чтобы откачать океан затхлой, тинистой воды. И здесь эти же люди повторили свой островной подвиг» [17].

Интерес представляет также и описание образа героев: «И откуда бралась сила в согбенной спине Петухова с торчащими плоскими лопатками, когда он выдирал изо льда примерзшие чугуны седловины грузов, прилаживая их на дюкер!» [17]. Но у главных героев, вокруг которых и строилась вся интрига производственного романа, обязательно подчеркивались брутальность, хорошее мощное сложение.

Конструировался такой визуальный образ, которому хотелось соответствовать и, главное, который мог понравиться советской женщине: «Природа не обидела Захарова ни ростом, ни телосложением, ни лицом. Она щедро отпустила ему на все. Статный, широкий в плечах, он выглядел несколько старше своих двадцати пяти лет» [21, с. 3]. При этом эта визуальная красота не была лишена и интеллектуального таланта – «круглый отличник» [21, с. 4].

Обязательно подчеркивался высокий профессионализм героя: «А сварщик Босоногов, молодой паренек из Минусинска! Глаза у него напоминали кровавые раны. Стекло защитной маски все время обдаёт водяной пылью, и она, обсыхая, мгновенно покрывает его соленой коркой. Сварщик вынужден работать иногда без защитного стекла. Но если во время опрессовки труба лопалась, то только по заводскому шву и никогда по тому шву, который варил Босоногов» [17].

Риторика производственного романа обязательно включала постоянное употребление таких слов и словосочетаний, как «нужно Родине», «вперед к социализму», «на борьбу», «труд», «подвиг», «мужество», «победа», «подвиг», «героизм».

В позднем производственном романе, когда происходит введение образа героя – нового типа руководителя предприятия, легитимируются такие качества, как образованность, широкий набор универсальных знаний и способностей, умение подстраиваться, приспособливаться («Корни и крона», В. Кожевников (1982)).

Через мотив трудностей и их преодоление вырисовывается «идеальный» образ трудящегося: «Трудностей не боюсь, – говорил Увадь-

ев, продолжая начатый раньше разговор. – Я согласен и столы в канцеляриях переставлять, и тарифицировать машинисток: я принимаю рабочие будни» [14, гл. 1, раздел 6].

Заключение: быть или не быть?

Советский производственный роман литературными критиками оценивается весьма неоднозначно. Но если рассматривать его как «отражение советского проекта» [3], то политические задачи, благодаря своей конъюнктурности, которые были перед ним поставлены, были достигнуты [23].

По мнению Д.Д. Земсковой, именно производственный роман наиболее наглядно показывает срез русской ментальности в ее советский период, с ее гуманитарными ценностями, которых не хватает нам сейчас, в период идеологического кризиса. Производственный роман не просто идеологически целенаправленно сконструированный жанр соцреализма, но он еще был укоренен в сознании современника. Главным достижением советской литературы, особенно производственного романа, где это показано наиболее ярко, является идея положительного героя: мечта о всеобщем счастье, труд, коллективизм, взаимопомощь, духовное перевоспитание человека. Конструируется идеал, который на страницах романа приобретает зримые очертания: образ нового человека, эпического героя-преобразователя. Но этот идеал возможен только через выполнение трудовых функций. Профессионализм становится одной из основных ценностей советского человека, так как помогает не только соответствовать новой эпохе, но и активно участвовать в ее созидании. В финалах этих романов мы, как правило, слаженный рабочий коллектив, у которого есть чувство гордости за принадлежность к рабочему классу, выполняемый ими труд, который в состоянии достичь поставленные перед ним цели. И производственный роман в период с 20-х до конца 30-х гг. XX в. способствовал выполнению этой миссии.

Через сформированные образы героев, речевые обороты, специфическую риторику происходит погружение читателя в контекст романа. Читатель, вживаясь в героя произведения, соперничает ему и становится соучастником всех производственных коллизий, примеряет предложенные конструктивные производственные роли на себя. Через производственный роман писателями создаются положительные образы героев, читателей пытаются убедить, что перед ними герои времени, которым надо соответствовать. Языковые детали создают мгновенно узнаваемый образ. Формируется определенная ценностная кар-

тина, оказывающая влияние на эмоциональный компонент профессиональной идентичности, так как в производственном романе присутствуют три необходимых компонента для формирования профессиональной идентичности: субъект формирующий, среда формирования и субъект, у которого формируется идентичность.

Судьба производственного романа оказалась печальной. Свою жизнеспособность он закончил в 80-х гг. XX в. По мнению ряда исследователей, в настоящее время перспектив для развития у него нет, так как отсутствует литературная фактура. Литературными героями становятся бандиты, олигархи, домохозяйки с Рублевки и т.п. персонажи. Но на произведениях «обвиняемого» в соцзаказе романа выросло несколько поколений, для которых труд и профессия были ценны сами по себе, а не по тем привилегиям, которые они могут дать; для которых принадлежность к рабочему классу не была стигмой и маркером неудачи, а вызывала чувство гордости. И, может быть, соцзаказ в формировании необходимых положительных профессиональных качеств, способствующих формированию профессиональной идентичности, это не так уж и плохо? Именно поэтому производственный роман можно рассматривать как один из вспомогательных инструментов формирования профессиональной идентичности: «Будем строить большой завод, каких праведники твои и в видениях не имели. На том заводе станем мы делать целлюлозу из простой ели, которая вот она, пропасть, без дела стоит... К тому времени ты сбежишь из своей червотчины, потому что еще успеешь сгнить, не торопись!.. и станешь ты вольный, трудовой гражданин, на работу поступишь, зазнобину себе заведешь первый сорт... и будет она, Шура, скажем, или Аня, мой шелк на себе носить. И отсюда поведется красота!» [14, гл. 1, раздел 5].

Литература

1. *Беляева Г.* «Советский художник»: конструирование профессиональной идентичности в государственной политике и ее региональных вариациях (1918–1932) // Новое литературное обозрение. 2016. № 1 (137).
2. *Добренко Е.* Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
3. *Морозов С.* Производственный роман как отражение советского проекта [Электронный ресурс]. URL: http://историк.рф/special_posts/производственный-роман-как-отражени/ (дата обращения: 10.06.2016).

References

1. *Belyaeva G.* «Sovetskiy khudozhnik»: konstruirovaniye professionalnoy identichnosti v gosudarstvennoy politike i ee regionalnykh variaciyakh (1918–1932) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 1 (137).
2. *Dobrenko E.* Socialnye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kultury. SPb., 1999.
3. *Morozov S.* Proizvodstvennyy roman kak otrazhenie sovetskogo proekta [Elektronnyi resurs]. URL: http://istorik.rf/special_posts/proizvodstvennyy-roman-kak-otrazheni/ (data obrashheniya: 10.06.2016).

4. Земскова Д.Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
5. Шнайдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М., 2001.
6. Патырбаева К.В., Козлов В.В., Мазур Е.Ю., Конобеев Г.М., Мазур Д.В., Марикас К., Патырбаева М.И. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты / науч. ред. К.В. Патырбаева. Пермь, 2012.
7. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Идентификация с предприятием: классификация работников и выявление управляемых факторов трудовой деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3335> (дата обращения: 08.11.2015).
8. Шакурова А.В. Профессиональная идентичность учителей как субъектов трудовой деятельности : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2014.
9. Мухортובה В.Н. Профессиональная идентичность российских врачей: результаты социологического исследования // Социология и право. 2015. № 4 (30). С. 63–77.
10. Московчук Л.С. Особенности формирования профессиональной идентичности инженера в современной российской культуре // Известия Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета ЛЭТИ. 2015. Т. 1. С. 82–86.
11. Нор-Аревян О.А. Формирование профессиональной идентичности молодых россиян на этапе вузовской социализации // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 99–104.
12. Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1 // Психологические исследования. 2011. № 2 (16).
13. История русской советской литературы / под ред. П.С. Выходцева. М., 1970.
14. Леонов Л. Соть. М., 1981.
15. Ясенский Б. Человек меняет кожу. Ростов н/Д., 1988.
16. Николаева Г.Е. Битва в пути [Электронный ресурс]. М., 1959. URL: <http://www.fanread.net/book/5261222/?page=95> (дата обращения: 10.06.2016).
4. Zemskova D.D. Sovetskiy proizvodstvennyy roman: evolyuciya i khudozhestvennyye osobennosti zhanra : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2016.
5. Shnayder L.B. Professionalnaya identichnost. M., 2001.
6. Patyrbaeva K.V., Kozlov V.V., Mazur E.Yu., Konobeev G.M., Mazur D.V., Maricas K., Patyrbaeva M.I. Identichnost: socialno-psiKhologicheskie i socialno-filosofskie aspekty / nauch. red. K.V. Patyrbaeva. Perm, 2012.
7. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Identifikaciya s predpriyatiem: klassifikaciya rabotnikov i vyyavlenie upravlyaemykh faktorov trudovoy deyatelnosti [Elektronnyi resurs] // Oficialnyy sayt IS RAN. 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3335> (data obrashheniya: 08.11.2015).
8. Shakurova A.V. Professionalnaya identichnost uchiteley kak subyektov trudovoy deyatelnosti : avtoref. dis. ... d-ra social. nauk. N. Novgorod, 2014.
9. Muihortova V.N. Professionalnaya identichnost rossiyskiyh vrachey: rezultaty sociologicheskogo issledovaniya // Sociologiya i pravo. 2015. № 4 (30). P. 63–77.
10. Moskovchuk L.S. Osobennosti formirovaniya professionalnoy identichnosti inzhenera v sovremennoy rossiyskoy kulture // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo elektrotehnicheskogo un-ta LYETI. 2015. T. 1. P. 82–86.
11. Nor-Arevyan O.A. Formirovanie professionalnoy identichnosti molodykh rossiyan na etape vuzovskoy socializacii // Socialno-gumanitarnye znaniya. 2016. № 7. P. 99–104.
12. Rikel A.M. Professionalnaya Ya-koncepciya i professionalnaya identichnost v strukture samosoznaniya lichnosti. Chast 1 // PsiKhologicheskie issledovaniya. 2011. № 2 (16).
13. Istoriya russkoy sovetskoy literatury / pod red. P.S. Vykhdceva. M., 1970.
14. Leonov L. Sot. M., 1981.
15. Yasenskiy B. Chelovek menyaet kozhu. Rostov n/D., 1988.
16. Nikolaeva G.E. Bitva v puti [Elektronnyi resurs]. M., 1959. URL: <http://www.fanread.net/book/5261222/?page=95> (data obrashheniya: 10.06.2016).

17. *Кожневников В.* Собр. соч. М., 1969. Т. 3 : Знакомьтесь – Балуев! : повесть; Рассказы военных лет [Электронный ресурс]. М., 1988. URL: <http://files.litmir.co/br/?b=546330> (дата обращения: 10.06.2016).

18. *Кукушкин В.* Хозяин. М., 1970.

19. *Липатов В.* Черный яр // Липатов В.В. Черный Яр. Сказание о директоре Прончатове. И это все о нем... М., 1977.

20. *Липатов В.* Чужой : повесть. Чита, 1964 // Новый мир. 1964. № 3.

21. *Лазутин И.* Сержант милиции. М., 1974.

22. *Хруцкий Э.* Приступить к ликвидации. М., 1992.

23. *Гаганова-Гранатова А.* Почему в России нет производственного романа? [Электронный ресурс]. URL: www.rospisatel.ru/gaganova.htm (дата обращения: 10.06.2016).

17. *Kozhevnikov V.* Sobr. soch. M., 1969. T. 3 : Znakomtes – Baluev!: Povest; Rasskazy voennykh let [Elektronnyi resurs]. M., 1988. URL: <http://files.litmir.co/br/?b=546330> (data obrashheniya: 10.06.2016).

18. *Kukushkin V.* Khozyain. M., 1970.

19. *Lipatov V.* Chernyy yar // Lipatov V.V. Chernyy Yar. Skazanie o direktore Pronchatove. I eto vse o nem... M., 1977.

20. *Lipatov V.* Chuzhoi : povest. Chita, 1964 // Novyy mir. 1964. № 3.

21. *Lazutin I.* Serzhant milicii. M., 1974.

22. *Hruckiy E.* Pristupit k likvidacii. M., 1992.

23. *Gaganova-Granatova A.* Pochemu v Rossii net proizvodstvennogo romana? [Elektronnyi resurs]. URL: www.rospisatel.ru/gaganova.htm (data obrashheniya: 10.06.2016).